

нулась, / ударив в сердца...» Именно поэтому так важна Память — горький опыт истории, ее урок, предостережение: «Мертвые живых не упрекнул, / если те смеются и поют ... / Но бывает все же: / им венки. / А они сжимают кулаки». Нужен не формальный ритуал, а живое ощущение того, что это такое: «Отбой. / За нынешний вечер / девятый», когда «вместо супа — бурда из столярного клея». Потомуки блокадников должны понять, что чувствовали люди, когда «на праздничный салют пол-Ленинграда не поднялось», когда один за другим умирали самые родные и близкие.

У В. есть очень хорошие стихи не только о блокаде — о любви и дружбе, о природе, о творчестве. Они — в ряде сб.: «**Улица России**» и «**Долгое эхо**» (оба — 1979), «**Весы**» (1986), «**Избранное**» и «**Белые ночи**» (оба — 1987), в периодических изд. Но это — просто хорошие стихи. Стихи же «Памяти» и «Блокады» — гражданский и нравственный подвиг. Они навечно встали рядом с мемориалом на Пискаревском кладбище, Зеленым поясом Славы, с Монументом героическим защитникам города на Московском проспекте — там высечены строки В.: «О, камни, будьте стойкими, как люди!»

Во всех откликах на стихотворения В. критика обязательно подчеркивала одно: это — поэзия «без вычурных метафор» и прочих «украшений». Действительно, существует поэзия металоги́чная и автологи́чная. Поэтика В. сформировалась в системе последней. Но, кроме графической точности и строгости, его стихам присущ огромный внутренний накал, почти невероятная драматическая напряженность, редкая эмоциональная выразительность. Дыхание, которое перехватывает от горя, передается прерывистой обрывающейся строкой: «Как стои, / как рыданье, / как всхлип». Нравственная сила и мужество защитников города — экспрессивной меняющейся динамикой ритма. Особенную энергию стиху придают почти обязательные афористические зачины или концовки: «Строка бывает — как рука, / в беде протянута другом»; «Все объяснимо, / кроме лжи, / и лишь она непоправима»; «Искусство не прячет секретов. / Секреты таит ремесло». Передавая различные оттенки переживаний и состояний лирического героя, В. использует и разные размеры стиха — от классического русского ямба до верлибра. Он мастерски выстраивает лирический сюжет — от безукоризненно точно найденной детали до самого широкого, временами почти космического обобщения. Таково, например, стих. «**Баллада о музыке**». Оно начинается с нескольких

подчеркнуто прозаических подробностей выступлений знаменитого блокадного оркестра «под гул канонады» в полутемном зале Филармонии. Трагические реалии быта: саночки, на которых музыканты везли через заледневший город валторны и скрипки, врач, сидящий «на всякий случай», в последнем ряду выступающих, представители в случае горькой необходимости «возможной замены», ушанки и пальто на старинном бархате кресел... Но от строки к строке, как и в музыке, все больше усиливается лирическое *crescendo*, чтобы в конце обвално обрушиться на читателя всей силой *fortissimo*: «И музыка / встала над мраком развалин, / крушила / безмолвие темных квартир. / И слушал ее ошарашенный мир». А затем — две строки финала — почти шепотом, как на последнем дыхании: «Вы так бы смогли, / если б вы умирали?..»

Стихи В.— это не только гражданский подвиг, но и самая высокая поэзия.

Соч.: Сила жизни: Очерки, статьи, стихи. М., 1966; Блокада: стихи. Л., 1968. (Переизд. 1973, 1977, 1982, 1985, 1987); Память. Л., 1971; Ленинградская высота. Стихи о блокаде: статья // Комсомольская правда. 1984. 24 янв.; Тревоги мира — наши тревоги: статья // Лит. Россия. 1986. 28 февр.; Величие духа: статья // Ради жизни на земле: сб. Л., 1986; Избранное. М., 1987; 1989.

Лит.: Рождественский Вс. Живое прошлое // Нева. 1969. № 5; Городницкий А. Ода мужеству // Ленинградская правда. 1971. 17 дек.; Слуцкий Б. Ю. Воронов. «Память» // Новый мир. 1972. № 6; Викулов С. Книга, возвышающая человека // Молодая гвардия. 1974. № 6; Цурикова Г. Нельзя забывать // Нева. 1974. № 11; Ильина М. Присяга на вечность // Ленинградская правда. 1977. 26 авг.; Дементьев В. Раздумья зрелости // Знамя. 1987. № 9; Друнина Ю. Считаться кем-то или кем-то быть? // Лит. газ. 1987. 28 окт.

К. Ф. Бикбулатова

ВОРОНСКИЙ Александр Константинович (псевдонимы Нурмин, Валентин, Анисимов) [27.8(8.9).1884, с. Хорошавка Кирсановского у. Тамбовской губ.— 13.8.1937, Москва] — прозаик, критик, редактор.

Родился в семье сельского священника. В., скорее всего, как это нередко бывало с фамилиями русских священников, не родовая фамилия, она образована от названия реки Вороны, на которой расположено село, где был приход его отца. В 1900 после окончания 1-го духовного училища в Тамбове он поступает в Тамбовскую духовную семинарию; незадолго до событий первой русской рево-

А. К. Воронский

людии становится большевиком, выполняет партийные поручения. Один из активных участников бунта в семинарии, исключен из семинарии в 1905 за «политическую неблагонадежность». С этого времени — профессиональный революционер; вскоре он покидает родные места, живет на нелегальном положении в Петербурге и Гельсингфорсе. 18 сент. 1906 его настигает первый арест, за которым следует годичное заключение в крепости. Спустя полтора года — в февр. 1907 — второй арест и высылка на 2 года в Яренск Вологодской губ. Партийные задания бросают его то во Владимир, то в Саратов, то в Одессу. В. знакомится с видными большевиками — М. И. Ульяновой, М. В. Фрунзе, В. В. Воровским и др. В 1911 впервые печатает свои очерки и статьи в одесской газ. «Ясная заря».

В 1912 В. был избран от саратовской партийной организации делегатом знаменитой, руководимой В. И. Лениным Пражской партийной конференции, где близко познакомился с Г. К. Орджоникидзе, Л. Серебряковым и др. Следует отметить, что, в сущности, именно В. был инициатором издания общепартийной газ., которая вскоре стала выходить под названием «Правда». Из Праги он возвращается представителем новоизбранного ЦК РСДРП(б); вскоре его арестовывают, отправляют на 3 года в ссылку в г. Кемь Архангельской губ. В 1915–17 он на подпольной партийной работе в Екатеринославе, затем руководит Советом солдатских депутатов в Кайдановском у. Минской губ.

События Октября 1917 застают В. в Одессе, где он возглавлял фракцию большевиков в Совете. Последующие 4 года он занят ответственной партийной работой: был членом ВЦИК, делегатом VIII и X съездов РКП(б), председателем Иваново-Вознесенского губкома, редактором губернской газ. «Рабочий край».

С янв. 1921 В. работает в Москве, в Главполитпросвете. Он выдвигает план создания первого «толстого» лит. журнала коммунистической ориентации, вокруг которого могли бы собраться все талантливые новые лит. силы. Этот план был поддержан Лениным, Крупской и Горьким на совещании в Кремле. Такой ж., «Красная новь», стал выходить с июня 1921. В. — редактор «Красной нови» и критик — весьма активно влиял на лит. процесс 1920-х. Он сделал очень многое в поддержку наиболее полного выражения лучших творческих тенденций в сложном лит. процессе послереволюционного десятилетия. «Красная новь» и руководимое В. изд-во «Круг» сблизили писателей разных взглядов и поколений — «стариков» (М. Горький, А. Н. Толстой, М. М. Пришвин, А. П. Чапыгин и др.), т. н. «попутчиков» из нового лит. поколения («Серapiионовы братья», «Перевал», И. Бабель, Б. Пильняк, Э. Багрицкий, Ю. Олеша, Л. Леонов и др.), некоторых т. н. «пролетарских писателей» (Н. Ляшко, А. Фадеев, Ю. Либединский, Ф. Гладков). Он полагал возможным изд. романа «Мы» Е. Замятина, был одним из очень немногих, кто оценил ранние произведения М. Булгакова. Близкими «кругу Воронского» были С. Есенин и Б. Пастернак, Л. Сейфуллина, М. Светлов. Потребности живого лит. процесса определили весь характер критической и теоретической работы В. Его статьи по этим вопросам собраны в книгах **«На стыке»** (1923), **«Искусство и жизнь»** (1924), **«Лит. типы»** (1925), **«Лит. записки»** (1926), **«Мистер Бритлинг пьет чашу до дна»** (1927) и в итоговой книге **«Искусство видеть мир»** (1928). Критическая и редакторская работа В. не только восстановила против него лит. сектантов и экстремистов (прежде всего РАПП), но мало-помалу привела к отходу от большевистской, точнее, сталинской партийной и идеологической системы. Это сделало его участником внутривнутрипартийных оппозиционных течений, обусловило конфликт с т. н. «линией партии» в лит.-ре. В 1927 В. был отстранен от работы в «Красной нови», а в марте 1929, в год «великого перелома», арестован, исключен из партии и сослан в Липецк. В 1930 был возвращен из

ссылки, восстановлен в партии, но от участия в совр. лит. жизни отстранен. Работал в Госиздате редактором, готовил издание русских писателей XIX в.

Деятельность В.— критика, редактора, участника лит. боев, «Ивана Калиты» новой русской лит-ры, как говорили о нем современники (по выражению В. П. Полонского),— отодвинула на второй план другую весьма значимую часть его лит. биографии — работу собственно писательскую, несколько книг его прозы. А между тем начинал он, даже в условиях партийного подполья, скорее всего как беллетрист и эссеист. Таковы некоторые из его самых первых газетных выступлений в 1911. В середине 1910-х он пишет ряд рассказов и посылает их Горькому; рассказы не были напечатаны, их рукописи затерялись.

Уже с середины 1920-х В. переходит к прозе, преимущественно на автобиографическом материале. Это книга **«За живой и мертвой водой»** (1927; 2-е, доп. изд.— 1928), роман **«Глаз урагана»** (1931), книга **«Рассказы»** (1932); в начале 1930-х он пишет роман **«Бурса»** (журнальная публикация — 1933, отд. изд.— 1966). В последние годы жизни он написал 2 книги для серии «ЖЗЛ»: **«Гоголь»** и **«Желябов»** (обе — 1934).

В 1937 В. снова арестован и летом того же года погибает в заключении. Реабилитирован в 1954.

В прозу В. широко входит автобиографический, личный материал, опыт пережитого, начиная с дней детства. В то же время это не «воспоминания» (такой подзаголовок был снят во всех изданиях книги «За живой и мертвой водой» после 1927). Писатель создает широкую картину многих и разных человеческих судеб, сливающихся в одной общей — народной, социальной судьбе, в судьбе России. Прозе В. свойствен требовательный нравственный самоанализ персонажей, дух искренней самопроверки без иллюзий. Его лирический герой — революционер Валентин — понимает, что, посягнув на вековечный традиционный порядок жизни, он не имеет права прятаться за догмы, жить партийными внушениями одного дня. Писатель дорожит всеми богатствами народного опыта, человеческого сознания, отстаивает право искусства видеть мир во всем его разнообразии и противоречиях, во всех переливах правды жизни.

В прозе В. о Первой мировой войне («Глаз урагана») звучит, как мало у кого из современников, протест против антигуманизма войны, ее апокалипсиса. Не случайно В. стал в начале 1930-х инициатором создания лит. организации, назначение которой он видел

в том, чтобы объединить лит-ру в противостоянии пропаганде неизбежности войны, самому духу войны, ее неотвратимой трагедии. Но и этот замысел В. был отклонен: Сталин назвал В. «пацифистом», считая это его еще одной большой политической «ошибкой».

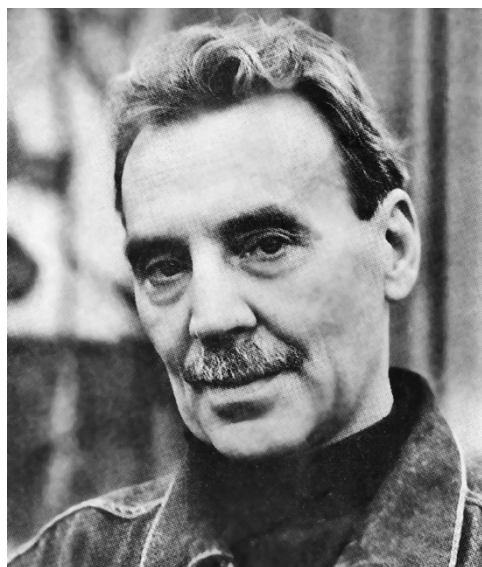
Проза В. не только яркий документ эпохи. Она включена в большую культурную традицию, находится среди таких книг русской прозы, как «Былое и думы» А. Герцена, «История моего современника» В. Короленко, «Жизнь Арсеньева» И. Бунина, автобиографическая проза М. Горького.

Соч.: Избранная проза. Бурса. За живой и мертвой водой: рассказы / вступ. статья В. Акимова. М., 1987; Глаз урагана: повести / вступ. статья В. Акимова. Воронеж, 1990; Искусство видеть мир. Портреты: статьи / вступ. статья Г. Белой. М., 1987.

Лит.: Шешуков С. И. Неистовые ревнители. Из истории лит. борьбы 20-х годов. 2-е изд. М., 1984; Акимов В. М. В спорах о худож. методе. Л., 1979; Александр Константинович Воронский: библиографический указатель / вступ. статья А. Г. Дементьева; сост. Э. П. Ефремов. Тамбов, 1984; Vaagan R. Iskustvo videt prekrasnoe. The Literary Aesthetics of Aleksander Voronskij. 1921–28. Oslo, 2000; Динерштейн Е. А. А. К. Воронский. В поисках живой воды. М., 2001.

В. М. АКИМОВ

ВОРФОЛОМЕЕВ Михаил Алексеевич [9.10.1947, г. Черемхово Иркутской обл.— 26.5.2001, Москва] — драматург, прозаик.

М. А. Ворфоломеев